

MISCELLANEOUS:
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS:
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 172:502.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Хен Ю. В. | Сумерки экологического сознания

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; hen@iph.ras.ru

Аннотация. В статье развивается мысль о том, что экологический кризис является порождением сознания, и в действительности человеческая деятельность не оказывает существенного воздействия на планетарные процессы в силу несоизмеримости масштабов. Показывается, что ощущение надвигающейся катастрофы, деградации окружающей среды, массового вымирания видов и всеобщего апокалипсиса, которые последние пятьдесят лет усиленно внедряются в общественное сознание экологами, в значительной мере обусловлены спецификой человеческой «оптики», основанной на стремлении контролировать планетарные процессы, которые очевидным образом человечеству неподвластны. Перенесение акцента на негативные аспекты антропогенного воздействия на природу можно назвать «сумерками экологического сознания» (метафора навеяна «темной экологией» Тимоти Мортон). В заключении выражается надежда на то, что эти сумерки – предрассветные и экология будущего станет более взвешенной и адекватной и перестанет быть постоянным источником эсхатологических настроений.

Ключевые слова: глубинная экология; интегральная экология; экотеология; темная экология; экоскептицизм; массовое вымирание; О. Леопольд; Т. Мортон; качественная демография

Для цитирования: Хен, Ю. В. (2025), «Сумерки экологического сознания», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 189-199. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Yu. V. Khen | The Twilight of Environmental Consciousness

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; hen@iph.ras.ru

Abstract. The article develops the idea that the ecological crisis is a product of consciousness and in fact human activity does not have a significant impact on planetary processes due to the incommensurability of the scale of nature and civilization. It is shown that the feeling of impending catastrophe, environmental

degradation, mass extinction of species and a general apocalypse, which have been intensively implanted in the public consciousness by eco-activists over the past fifty years, is largely due to the specifics of human “optics” based on the desire to control planetary processes that are obviously beyond the control of humanity. Shifting the emphasis to the negative aspects of anthropogenic impact on nature can be called the “twilight of environmental consciousness” (the metaphor is inspired by “Timothy Morton's dark ecology”). In conclusion, the hope is expressed that this twilight is pre-dawn and the ecology of the future will become more balanced and adequate and will cease to be a source of eschatological moods.

Keywords: deep ecology; integral ecology; eco-theology; dark ecology; eco-skepticism; mass extinction; O. Leopold; T. Morton; qualitative demography

For citation: Khen, Yu. V. (2025), “The Twilight of Environmental Consciousness”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 189-199, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-1-5

Трудно назвать более междисциплинарную сферу человеческой деятельности, чем экология. Она стартовала с признания разрушительности технологического развития для окружающей среды, но постепенно втянула в свою сферу все отрасли культуры и разрослась от незатейливых природоохранных инициатив до «гиперобъекта» в понимании Т. Мортон (Мортон, 2019а), т. е. того специфического мозгового конструкта, который включает в себя все элементы культуры и цивилизации, до которых может «дотянуться» (этику, эстетику, религию, науку, политику, экономику и т. д.), и становится определяющим фактором картины мира, самым существенным образом влияющим на понимание места человека в мире и направляющим принятие им генеральных решений. Человечество, породившее сей конструкт (и само по себе являющееся гиперобъектом), будучи не в силах охватить этот грандиозный феномен ограниченным сознанием, целиком и полностью находится под его влиянием, буквально живет внутри него. Присутствие гиперобъектов в жизни людей отражается, в частности, в том, как изменилась тональность экологических выступлений – от ностальгической грусти по исчезающим лесам и прериям (О. Леопольд) на заре «зеленого» движения до истерических выступлений в духе Греты Тунберг современных эоактивистов. Эта метаморфоза, многократно превышающая суммарный урон, нанесенный природе за прошедшие сто лет, дает основание предполагать, что «экологический кризис» – это не столько отражение реального ущерба, нанесенного природе промышленным развитием, сколько порождение особым образом переориентированного «экологического» сознания.

Природоохранное движение как самостоятельное явление начало оформляться в конце девятнадцатого века. Именно тогда возникают первые общества по охране животных, вырастающие из понимания разрушительного характера человеческой деятельности для охотничьих хозяйств и «дикой природы», создаются первые природоохранные зоны, а в сознании людей укореняется мысль об ответственности за хищническое потребление природных ресурсов, а также о том, что этими богатствами можно и нужно управлять, чтобы они приносили наибольшую пользу человечеству.

Разумеется, не обошлось без ошибок и «перегибов», поскольку авторам природоохранных проектов еще только предстояло понять, насколько хрупкими являются межвидовые отношения и как тесно увязано одно с другим внутри природных биоценозов. Первые «охранные грамоты» касались отдельных видов растений и животных, но не биоценозов в целом. И все это были виды, имевшие хозяйственное значение. На базе представлений о потребительской пользе отдельных видов дикой фауны постепенно

утвердилось мнение, что хищники вредны для охотничьих угодий, поскольку негативно влияют на поголовье промысловых животных, и с ними надо бороться как с конкурентами человека. Как пишет Олдо Леопольд, «в те дни нам еще не доводилось слышать, что можно увидеть волка и не убить его» (Леопольд, 1983: 125).

Именно О Леопольд, профессиональный лесничий, охотовед, профессор Висконсинского университета, автор фундаментального труда «Управление дичью», сохраняющего актуальность по сей день, стал выразителем идеи о необходимости охраны не отдельных видов, а природной среды в целом. «Охота на волков», свидетелем которой он стал, немало способствовала оформлению его взглядов, а любовь к природе, наблюдательность и литературный талант помогли донести мысль о хрупкости природы до миллионов читателей по всему свету. Его «Календарь песчаного графства» (1949 г.) выдержавший множество переизданий, до сих пор пользуется популярностью. В этой примечательной книге, кроме интереснейших фенологических наблюдений, представлена и совершенно революционная для своего времени мысль о том, что в экологии помимо привычного антропоцентризма возможен и другой взгляд на тварный мир. Потому что, «если думать, как гора», а не как охотник на оленей, то вред и польза, причиняемые окружающей среде, предстанут в совершенно ином свете. Примитивная логика охотника утрачивает очевидность, и приходит понимание того, что сиюминутная выгода ведет к существенным потерям в долгосрочной перспективе.

«Я был тогда молод и болен охотничьей лихорадкой», – пишет О. Леопольд. – «Раз меньше волков, то больше оленей, думал я, а значит полное истребление волков создаст охотничий рай... С тех пор мне довелось видеть, как штат за штатом избавился от своих волков. Я наблюдал за очищенными от волков горами и видел, как их южные склоны покрываются рубцами и морщинами новых оленьих троп. Я видел, как все съедобные кусты и молоденькие деревья ошиповались, некоторое время кое-как прозябали, а потом гибли <...> А потом приходит голод, и кости погибших от собственного избытка оленьих стад, о которых мечтали охотники, белеют на солнце, смешиваясь с прахом шалфея, или тлеют под можжевеловыми ветвями» (Леопольд, 1983: 126).

Автор приходит к заключению, что гора «боится» оленей так же, как олени боятся волков. Слишком много оленей – так же плохо для экосистемы, как их отсутствие. «Думая, как гора», получаешь возможность видеть все устройство биоценоза целиком и понимаешь, сколько и каких ресурсов ты можешь взять у природы без опасения, что в результате твоей деятельности на гору «придет голод». Основываясь на личном опыте лесничего, О. Леопольд ввел понятие «емкость угодий», которое по сей день является базовым для охотоведения.

Экологическое движение, однажды начавшись, стремительно расширялось. Проблемы сохранения окружающей среды множились лавинообразно. Это происходило не только потому, что хищническое потребление ресурсов набирало обороты, но и вследствие привлечения внимания общественности к отдельным экологическим проблемам. Информация такого рода не могла не повергать в ужас впечатлительных людей, внимание которых сосредоточивалось то на озоновых дырах, то на проблеме пластиковых стаканчиков, то на глобальном потеплении, изменении океанических течений, «углеродном следе» фермерских хозяйств и т. д. Фактически каждые пару лет в сферу внимания эоактивистов попадает какой-нибудь очередной аспект человеческой деятельности, приближающий наступление экологического апокалипсиса. При этом, как пишет Тимоти Мортон, «книги по экологии зачастую представляют собой непролазные дебри информации, успевающие устареть, пока книга попадет вам в руки» (Мортон, 2019b: 5). «Факты постоянно устаревают, особенно экологические факты, а из числа последних с особенно большой скоростью устаревают факты о глобальном потеплении, которые славятся своей многомерностью: ведь они существуют на разных шкалах времени и в самых разных сценариях» (Мортон, 2019b: 15). В книге «Стать экологичным» Т. Мортон называет тот способ, которым до нашего сведения доводятся

экологические факты, *информационным навалом*, делая таким образом отсылку к свалке, где трудно найти полезную вещь, даже если она там имеется. Кроме того, не будем забывать, что смысл фактам сообщают теории, сами по себе они мало что значат. А экологические факты подаются таким образом, чтобы они вызывали потрясение сами по себе, вне контекста. Так мольеровский «мещанин во дворянстве», узнав, что всю жизнь разговаривал прозой, начинает иначе воспринимать не только свою повседневную речь, но и себя и свое место в мире.

В стремлении охватить все факторы, наносящие вред окружающей среде, экологические теории становятся все более глобальными и агрессивными. Человек утрачивает статус венца творения, и его интересы перестают быть приоритетными. Одновременно расширяется сфера приложения экологических подходов, и для их осуществления требуется привлечение все большего количества наук и областей знания. Экология усложняется, внутри нее множатся концепции.

Глубинная экология норвежского философа Арне Несса (1972 г.) делает упор на самостоятельной ценности всех живых существ, независимо от того, приносят ли они пользу человеку. Социальная экология Эдуардо Гудинаса вводит в сферу экологии «человеческие системы» (мужчин, женщин, детей, этнические группы, классы) и «цивилизационные системы» (города, фабрики и т. п.), которые он предлагает рассматривать как равноправный с «природными системами» (джунгли, пустыни, равнины) фактор, также являющийся частью окружающей среды и участвующий в ее формировании.

Интегральная экология развивает сходные идеи и провозглашает холистический взгляд на вопросы экологии, включающий помимо природных аспектов проблемы человека и общества, такие, например, как бедность. Экология все дальше отходит от своей исходной задачи – сохранения дикой природы, все более концентрируясь на человеке. Одновременно провозглашается принцип равенства прав человека и животных.

Сам термин «интегральная экология» пришел из пятидесятых годов прошлого века, но современное звучание ему придал католический священник Леонардо Бофф. Он отмечает, что сегодня нередко приходится слышать о самых различных кризисах – экологическом, энергетическом, социальном, моральном, экономическом, о кризисе в системе образования и т. п. «На самом же деле все эти частные кризисы суть части огромного кризиса общества, которое мы создали за последние четыре столетия». (Бофф, 1997). Сборник статей, из которого взята эта цитата, носит говорящее название «Экотеология», указывающее на то, что не только наука озабочена состоянием окружающей среды, но и религиозные деятели тоже намерены принять участие в решении глобальных проблем современности. Правда, судьба самого Л. Боффа показывает, насколько трудно это бывает сделать ортодоксальному священнику. Чтобы иметь возможность продолжать публично выражать свои оригинальные взгляды, не вполне совпадающие с официальной позицией Церкви, ему пришлось отречься от сана. Позже официальный курс был скорректирован, да так основательно, что идеи Л. Боффа были взяты за основу Папой Римским Франциском при составлении «экологической» энциклики (2015).

Центральная идея Боффа состоит в том, что классическая экологическая тематика не включает в себя социальный аспект, из-за чего все ее призывы и усилия как бы повисают в воздухе. Со своей стороны, теология, погруженная в собственные теории, полностью игнорирует нарастающие проблемы окружающей среды, которыми живет современный человек. «Сегодня действительно необходимо согласовать в единое целое все эти аспекты. За угнетением народов и дискриминацией личности со стороны правящих классов стоит та же логика, которая вдохновляет эксплуатацию природы. Эта логика стремится к непрерывному и ускоренному прогрессу и промышленному развитию, видя в них средства создания условий, необходимых для счастья людей. Такой способ достижения счастья разрушает сами основы существования природы и людей, без которых невозможно и счастье» (Бофф, 1997).

Представляя современные экологические теории, невозможно не упомянуть «темную экологию» Тимоти Мортон. Поясняя, откуда взялось столь интригующее название, автор

ссылается на то, что в его экологии света не больше, чем в Норвегии зимним днем. Автор призывает не идеализировать природу, а воспринимать ее как реальную данность, не лишённую темных аспектов. В отличие от традиционного представления об экологии как гармоничном и сбалансированном явлении, Мортон указывает на то, что основная характеристика экологического сознания – это тревожность, озабоченность по поводу будущего, относительно которого не стоит строить иллюзий, потому что никакие утопии, скорее всего, не удастся реализовать. Темная экология призывает не противопоставлять человека природе, поскольку они неразделимы, причем человек в мортонской трактовке предстает не в привычном облике «социального животного», а в виде некоего конгломерата. «“Человек” – это я плюс мои нечеловеческие протезы и симбионты, такие как мой бактериальный микробиом и технологические гаджеты, сущность, которую нельзя заранее обозначить четким, жестким контуром или строго отграничить от симбиотического реального» (Мортон, 2022: 78).

По факту, мортонская теория – это синтез экологии, философии и искусства, отрицающий разделение на природу и человека. Связи настолько тесные, что глубина взаимопроникновения этих сфер просто не позволяет рассматривать их по отдельности. И в этом комплексе интересы «рода человеческого» утрачивают первоочередное значение. «Экологическое сознание подрывает нашу веру в антропоцентрическую идею, согласно которой есть одно мерило для всех остальных, один масштаб, и не какой-нибудь, а именно человеческий... Сегодня нам известно, что экологическое сознание означает этическое и политическое мышление и действие во множестве масштабов, а не в одном-единственном» (Мортон, 2019b: 68-69). По сути, такой подход представляет собой предельное развитие мысли О. Леопольда о необходимости «думать, как гора», чтобы охватить всю картину действительности целиком, а не только ее антропоцентрический аспект.

Параллельно с эоактивизмом развивался эоскептицизм или даже антиэкологизм, выражающий сомнение в том, что вред, наносимый окружающей среде человеком, действительно так велик, как утверждают некоторые ученые. Тем более, что другие ученые дают другие оценки. Принимать решения, ведущие к снижению потребления на основе противоречивых «показаний», преждевременно. Чересчур рьяная опека вымирающих видов и природы в целом представляет угрозу социальному и экономическому благополучию людей, а также ограничивает их гражданские свободы. Вопреки идеям, высказанным в мортонском «Роде человеческого», эоскептики настаивают на том, что человек не просто одно из существ, равноправное с другими видами теплокровных животных, микробиомом и прочим населением планеты. Человек занимает особое место, поскольку он, единственный из всех представителей животного царства, обладает самосознанием и пониманием происходящего. Исходя из этого, его интересам должен быть возвращен приоритет.

Самой яркой фигурой среди эоскептиков является, пожалуй, Майкл Шелленбергер, начинавший как эколог, но радикальным образом изменивший свои убеждения. Теперь он выступает с критикой нездорового ажиотажа, организованного вокруг Греты Тунберг (в чем многие из нас с ним солидарны). М. Шелленбергер отказался от прежних экологических установок (вполне традиционных) и в настоящее время активно пропагандирует атомную энергетику как наименее травматичную для окружающей среды и, будучи журналистом, выступает в СМИ с критикой экологической повестки, утверждая, что она имеет целью не защиту природы, а лоббирование интересов крупных корпораций и худших из представителей политики, строящих свою карьеру на популистской демагогии. М. Шелленбергер считает, что взгляды эоактивистов сильно устарели. Они основываются на представлении о том, что человек – это просто одно из животных, хотя очевидно, что это далеко не так. Экологии пора вернуться к пониманию, что человек – центр вселенной. Он обладает разумом, способен оценивать последствия своих действий и нести за них ответственность. Не надо быть жестокими к природе, но, защищая ее, не следует забывать и о собственных интересах.

В предисловии к книге «Апокалипсиса не будет» (Шелленбергер, 2022) М. Шелленбергер пишет, что его целью является защита того, что именуется «этикой мейнстрима», т. е. гуманизма, как светского, так и религиозного, против «антигуманизма апокалиптического экологизма». М. Шелленбергер приводит «15 аргументов против эоактивизма», одно из которых касается «шестого массового вымирания видов», которое, по мнению некоторых экологов, происходит в настоящий момент. Автор указывает, однако, что современная наука не располагает достаточной информацией, которая доказывала бы, что скорость вымирания видов на планете сегодня такая же, какой она была в меловой период, когда произошло последнее из достоверно установленных массовых вымираний. Соответствующий мониторинг никогда не проводился, о многих видах вообще не известно ничего, кроме того, что они существуют, а динамику их численности никто не пытался отследить. Фактически единственное, чем располагают сторонники концепции шестой волны массового вымирания, это интуитивное ощущение, что виды вымирают слишком быстро, и некоторые математические расчеты, подогнанные к случаю. Но современное естествознание не работает с интуитивными ощущениями, оно требует конкретных цифр и графиков. Одно дело палеонтология, оценивающая толщину геологических отложений с точностью плюс-минус пара миллионов лет, и совсем другое – оценка антропогенного воздействия на биосферу с момента последней промышленной революции. Очевидно, что речь идет о событиях разных временных масштабов, сопоставлять которые некорректно.

Тема массовых вымираний необычайно популярна сегодня как у эоактивистов, так и у эоскептиков. Однако инициирована дискуссия была еще Ж. Кювье, французским палеонтологом XIX века, который, изучая ископаемые останки, пришел к выводу, что эволюция жизни на Земле представляет собой череду катастроф, в результате которых происходит смена одних видов другими. Известно, что теория катастроф чрезвычайно недоброжелательно была встречена адептами дарвинизма, поскольку противоречила идее эволюции путем борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных особей. Катастрофизм Ж. Кювье, в противовес механизму, предложенному Ч. Дарвином, показывал, что, как бы хорошо ни приспособился вид к условиям среды, эволюция рано или поздно его уничтожит. Основное возражение дарвинистов состояло в том, что для осуществления эволюции по схеме Ж. Кювье потребовалось бы гораздо больше времени, чем для дарвиновского отбора, очень близкого к целесообразности. Основанием послужило принятое в науке XIX века представление о том, что источником солнечной энергии является горение нефтепродуктов – наиболее энергоемкого материала того времени. Исходя из этого возраст земли оценивался всего в несколько тысяч лет, и для эволюции путем череды катастроф этого времени явно было недостаточно. Сегодня источником солнечной энергии считается ядерный синтез, а это уже совсем другие сроки. Теория катастроф снова получила право на существование.

Современные исследования вопроса массового вымирания видов, которому найдено множество палеонтологических свидетельств, ведутся весьма интенсивно, и важнейшей вехой здесь стала работа Джека Сепковски и Дэвида Раупа. В 1982 году эти палеонтологи из Чикагского университета опубликовали результаты своих многолетних исследований, в которых подвергли статистическому анализу и свели в таблицу палеонтологические данные по вымиранию видов на протяжении последних 540 миллионов лет. Это позволило выделить пять крупных массовых вымираний, что дает право эологам утверждать, что в действительности «мы живем в эпоху массового вымирания, на данный момент шестого на этой планете. “На данный момент” означает примерно четыре с половиной миллиарда лет жизни на Земле. Ранее было пять других» (Мортон, 2022: 135).

Первое массовое вымирание произошло на рубеже ордовикского и силурийского периодов, в результате чего погибло до 85 % морских беспозвоночных. Особенно много брахиоподов, двусторчатых моллюсков, иглокожих и кораллов. Называются несколько

причин (гипотетических), повлекших за собой это событие: вспышка гамма-излучения, усиление вулканической деятельности, вызвавшее чрезмерное закисление мелководных морей. И наиболее популярная – движение суперконтинента Гондваны в сторону Южного полюса, приведшее к похолоданию, обледенению земли и падению уровня Мирового океана (вследствие обледенения).

Второе массовое вымирание пришлось на конец девонского периода, который иногда называют «райским», поскольку тропические леса покрывали всю планету, а в океане водилось множество рыб, представлявших потрясающее видовое разнообразие. Вследствие позднедевонского вымирания исчезло 20 % семейств и 50 % видов живых организмов. Наиболее популярная гипотеза объясняет данное массовое вымирание тем, что из-за резкого увеличения количества растений «молодые ландшафтные суши» подверглись эрозии, которая привела к высвобождению большого количества фосфора из недр земли. Изобилие фосфора, в свою очередь, привело к чрезмерному размножению микроскопических водорослей в океане, а они уничтожили весь кислород, растворенный в воде. Наступило морское кислородное голодание, и животные попросту задохнулись. Похожие катастрофы, но меньшего масштаба, можно наблюдать и сегодня. Это так называемый «красный прилив» – чрезмерное размножение динофитовых водорослей (панцирных жгутиковых), приводящее к массовой гибели водных видов животных и растений.

Пермское массовое вымирание называют «Великим». Исчезло 96 % всех морских видов и 73 % наземных позвоночных. Исчезли трилобиты. Насчет причин этого тотального вымирания единого мнения нет. В качестве гипотез выдвигаются традиционные: падение метеорита, усиление вулканической деятельности, внезапный выброс метана со дна моря и т. п.

Четвертое массовое вымирание обозначает границу между триасовым и юрским периодами. Его масштабы не идут ни в какое сравнение с Великим вымиранием, но примечательна скорость, с которой оно свершилось: всего за 10 тысяч лет вымерла почти четверть видов морской фауны, многие наземные ящеры, исчезли виды и целые рода земноводных. Освободилось множество экологических ниш, занятых впоследствии динозаврами. О причинах катастрофы ведутся споры. Учитывая скорость вымирания, больше всего подошло бы падение метеорита, но кратер подходящих размеров до сих пор обнаружить не удалось. Возможно, он скрыт где-то под поверхностью океана.

Пятое массовое вымирание, мел-палеогеновое, наиболее широко известно публике благодаря «раскрученной» франшизе с «Парком юрского периода». Для большинства обывателей это вообще единственное вымирание, в результате которого с поверхности земли исчезли динозавры. Основной причиной считается столкновение с астероидом (подходящий кратер обнаружен в Мексике), т. е. произошло так называемое импактное событие. Вымерло около 75 % всех живых организмов. Вымерли не только динозавры, резко сократилась численность птиц, ящериц и насекомых. Сократилось количество растений. В море полностью вымерли плезиозавры, резко сократилось количество костистых рыб, акул и моллюсков (аммониты вымерли полностью). Освободившиеся ниши заняли млекопитающие.

Современное массовое вымирание, шестое по счету, называют голоценовым, или антропогенным, поскольку считается, что его причиной является почти исключительно деятельность человека. Оно началось с вымирания крупных млекопитающих, так называемой «мегафауны». За последние 500 лет исчезло около 900 видов животных. Сегодня полное исчезновение угрожает еще 35,5 тысячам видов животных и растений, к тому же резко сократилась численность всех диких видов. Однако вина человека здесь не столь уж очевидна. Некоторые исследователи считают, что истребление крупных животных человеком только усугубило естественные стрессовые факторы, которые закономерным образом вели к их исчезновению. Изменение климата само по себе могло стать причиной вымирания мегафауны.

Другие ученые утверждают, что человечество было решающим фактором, поскольку до его выхода на сцену животные прекрасно адаптировались к колебаниям климата.

Между крупными массовыми вымираниями происходили вымирания помельче, и результатом каждого из них было высвобождение большого количества экологических ниш, которые немедленно заполнялись другими видами, получавшими таким образом возможность для максимального развития своих потенций в условиях ослабленной конкуренции за еду и территорию. Это наводит на мысль, что массовое вымирание – это, по выражению Т. Мортон, «не баг, а фица» эволюции, т. е. специально «запрограммированная» способность быстрой и радикальной смены экосистем, обеспечивающая адаптацию биосферы к меняющимся условиям среды. Так же, как индивидуальная смерть организма – это фатальное событие для отдельной особи, но бонус для вида и биосферы в целом, так и массовое вымирание видов – это возможность осуществить в рамках одной планеты максимальное количество сценариев биоразнообразия в течение ограниченного времени (даже время жизни термоядерного светила не бесконечно). Выигрышность такой стратегии подтверждается тем, что при любых катастрофах вымирают не все особи не всех видов. Например, сине-зеленые водоросли до сих пор живут и здравствуют. Зато многие перспективные виды получают свой шанс гораздо раньше, чем это произошло бы в отсутствие катастрофических событий. Если бы динозавры не вымерли, мелкие и не особенно сильные млекопитающие не получили бы своего шанса расселиться по планете и развить такое потрясающее видовое разнообразие, которое мы наблюдаем сегодня. Человек мог вообще не появиться, и некому было бы сейчас беспокоиться о сохранении той среды обитания, которая досталась нам в результате мел-третичного массового вымирания.

На основании своих таблиц Сепковски и Рауп делают заключение, что массовые вымирания видов случаются каждые 62 миллиона лет, плюс-минус пара миллионов. Чтобы по достоинству оценить степень угрозы, нависшей над человечеством сегодня, стоит напомнить, что по наиболее взвешенным оценкам история *homo sapiens* насчитывает всего около 200 тысяч лет, т. е. не превышает погрешности метода американских палеонтологов. Это значит, что для эволюции человечество пока просто не существует. Но благодаря наличию разума, этого специфического эволюционного приспособления, многократно ускоряющего захват мест обитания других животных и распространение вида по планете, человечество уже сумело оставить вполне различимый след в геологических отложениях. Т. Мортон пишет: «“Антропоцен” – название, которое дали геологическому периоду, в котором созданные человеком материалы образовали в земной коре отдельный слой: так, отдельную, совершенно очевидную страту сформировали всевозможные виды пластика, бетона и нуклеотидов. Сегодня начало антропоцена официально датируется 1945 годом» (Мортон, 2019b: 46).

Математические расчеты показывают, что между уровнем биоразнообразия и скоростью образования новых видов существует обратная зависимость. Это значит, что в старых, устоявшихся экосистемах новые виды практически не образуются. Возрастает степень адаптации (приспособленности) уже имеющихся видов к условиям среды, а значит, любое колебание климата или импактное событие (падение метеорита) будут восприняты системой как катастрофа с последующим массовым вымиранием. В свою очередь, вымирание связано с видообразованием прямой зависимостью, поскольку высвобождение ресурсов и пригодных для жизни территорий позволяет биологическим системам полнее раскрывать потенциальные возможности. Так осуществляется цикличность, возвращающая глобальную экосистему к равновесию.

Таким образом, стремясь сохранить в неизменном виде доставшееся нам природное разнообразие (а именно эту цель преследуют экоактивисты), человек противодействует процессам, направляющим глобальную эволюцию. Неравенство сил в этом противостоянии очевидно. Масштаб природных катаклизмов, приводивших к смене геологических эпох, это

лучшее свидетельство того, что современные экологические угрозы ничто по сравнению с тем, что может ожидать человечество в будущем. Помимо этого, простое сопоставление масштабов антропогенного воздействия и движения тектонических плит, например, ясно показывает, что никакая экологическая политика, как бы грамотно она ни была выстроена и каким бы прочным ни был ее научный фундамент, не поможет человечеству предотвратить глобальный природный катаклизм. То, чем занимаются авторы экологических программ и законов (помимо выкачивания денег из бюджета), это популизм в чистом виде. Разумеется, большинство эоактивистов искренне верят, что спасают природу и содействуют предотвращению глобальной катастрофы. Эта наивная вера проистекает из того, что современная система воспитания и образования ориентированы на формирование так называемого «экологического сознания», а также экологичного отношения к миру. Но по сути, наши экологические «флэшмобы» подобны попыткам прикрыть косметическим ремонтом трещину в несущей стене. И ведь нельзя сказать, что в косметическом ремонте нет смысла. Жить в чистоте приятно, а в планетарном масштабе «косметический ремонт» включает в себя глубокую переработку отходов, рациональное природопользование, но главное – сокращение численности обитателей нашего общего дома. Я имею в виду планирование семьи, причем отличное от того, которого придерживаются сегодня большинство развитых стран. Демографы подсчитали, что для простого воспроизводства населения необходимо, чтобы на каждую семейную пару приходилось 2,3 ребенка. С экологической точки зрения это означает, что напряженная экологическая ситуация на планете будет так же, как и неубывающая численность «народонаселения», воспроизводиться в каждом следующем поколении. Если непредвзято оценивать причины экологического кризиса, станет очевидно, что источником напряженности является именно избыток людей на планете, значительно превышающий «емкость угодий». На нашей «горе» стало слишком много оленей и очень скоро наступит «голод» в широком смысле – продовольственный, энергетический и т. п. Помимо этого, опыт последней эпидемии (Covid-19) указал еще на одну проблему, которая может привести к нежелательному для человечества развитию событий. Оказалось (и это не стало неожиданностью для эпидемиологов), что при наличной плотности населения, с учетом его высокой мобильности, любые карантинные меры становятся недейственными. По сути, единственное, что удастся сделать методом введения карантина – это замедлить распространение болезни, чтобы дать правительствам время развернуть мобильные госпитали и тем самым уменьшить количество умерших. Сегодня мы вынуждены признать, что всякий новый патоген, в какой бы части мира он ни появился, мгновенно распространится на всю популяцию. И если при этом он будет обладать контагиозностью гриппа и летальностью лихорадки Эбола, последствия для человечества могут оказаться настолько катастрофическими, что пострадает культурная преемственность поколений, как это произошло в средние века.

Тема ограничения рождаемости для многих весьма болезненна. Причины неприятия мер качественной демографии (или евгеники, если выражаться без обиняков) у разных людей различны. Кто-то слишком буквально воспринимает библейский завет «плодитесь и размножайтесь», привычно забывая об окончании этой фразы: «и наполните землю». А ведь Земля давно наполнена и переполнена, и дальнейшее расширение человеческой популяции происходит за счет вытеснения других божьих «тварей». Кто-то воспринимает контроль рождаемости как ограничение личной свободы, кто-то просто в силу привычки продолжает считать, что многодетная мать – это «мать-героиня», забывая о том, что это звание было введено в послевоенные годы, когда восполнение физической убыли населения считалось важнейшей экономической задачей. Со своей стороны государство, при поддержке сторонников теории депопуляции, всячески пропагандирует установку на экстенсивный прирост населения, вопреки тому, что уже Адам Смит в своем «Исследовании о природе

и причинах богатства народов» (1776 г.) фактически доказал, что качественная демография способствует оздоровлению экономики страны и ведет ее народ к процветанию.

Возвращаясь к экологическому аспекту вопроса, следует заметить также, что контроль воспроизводства – это единственная мера, для которой у человечества имеются силы и возможности. Предотвратить взрыв супервулкана, падение крупного метеорита, дрейф тектонических плит и вообще любое событие из числа тех, что в прошлом приводили к массовому вымиранию, мы не в силах. Но скорректировать демографическую политику вполне возможно. Для этого не понадобится крупных финансовых вливаний, достаточно перестать пропагандировать и материально поощрять многодетность, и переориентировать общественное сознание на необходимость создать для потомства хорошие условия жизни, дать детям наилучшее воспитание и образование, что в преддверии наступления эпохи искусственного интеллекта становится особенно важным. Ибо в будущем, в котором роботы неизбежно вытеснят человека из многих «экологических» ниш, востребованы будут только те, кто способен к чисто человеческой деятельности, т. е. к творчеству. В условиях изменившейся реальности хорошее образование становится не «роскошью», а жизненной необходимостью, а человек, получивший востребованную обществом профессию и образование, обретает эволюционный статус наиболее приспособленного к требованиям среды и повышает шансы на выживание для себя и потомства.

В заключение хочу сказать, что понимание задач экологического движения следует скорректировать самым решительным образом. Тема массового вымирания видов была привлечена для того, чтобы показать подлинный масштаб событий, на управление которыми замахивается традиционная экология. Даже озоновые дыры и глобальное потепление нам не подвластны, но конструируя из этих явлений «гиперобъекты», мы обрекаем себя на жизнь под давлением этого неизбежного кошмара, многократно отраженного нашей наукой и искусством. Боящийся привидений должен понять, что создает их сам, и единственный способ от них избавиться – это держать в узде собственное воображение. «Темная экология» Т. Мортонa интересна именно концептом гиперобъекта, выражающим взаимодействие человека с порождениями собственного разума. Мгновенная популярность концепции во многом объясняется красотой и привлекательностью названия, вызывающего желание немедленно ознакомиться с авторской идеей. Но, с точки зрения собственно экологии, никаких особых концептуальных подвижек в ней нет. Как говорят физики, темную материю правильнее было бы называть прозрачной, поскольку она невидима для наших средств наблюдения, но «темная» звучит круче.

Отношение к проблемам окружающей среды следует сделать более спокойным и взвешенным, без истерик и отчаяния. В конце концов, даже если шестое массовое вымирание имеет место, у человечества еще есть в запасе по меньшей мере 10 тысяч лет, плюс-минус пара миллионов, а это больше, чем заняла вся его история. Задача экологии не сводится к тому, чтобы сохранить природу в том виде, какой она была при наших предках. Хотелось бы сделать жизнь на Земле максимально комфортной, причем не только для людей, но и для других животных. Контроль рождаемости – дело несложное и недорогое, но оно способно решить *все* экологические проблемы, и прежде всего те, которые заботят Эдуардо Гудинаса, Леонардо Боффа, Папу Римского Франциска и всех тех, кто относит социальные проблемы к сфере экологии.

Природное окружение меняется постоянно, но для каждого поколения эталонными остаются ландшафты его юности. О. Леопольд, оценивая перемены к худшему, произошедшие на его «Горе», пишет: «Лучше не видеть, что принесли этим местам туристы, шоссе, лесопилы и узкоколейки для вывоза леса или что они у них отняли. Иногда я слышу, как молодые люди, еще не родившиеся, когда я впервые “выбрался наверх”, принимаются наперебой хвалить Вершину. И я соглашаюсь – с некоторыми мысленными оговорками»

(Леопольд, 1983: 124). С моей точки зрения, главный интерес в этом отрывке представляет то, что для нового поколения пейзаж, вызывающий у автора только скорбные мысли, остается источником радости.

Цивилизация погибнет еще не завтра, скорее всего, и следующие десять или даже сто поколений не увидят апокалипсиса. В любом случае истерить по поводу событий, не подвластных нашему контролю, неконструктивно. Экологическую тематику следует отодвинуть на задний план, чтобы она выступала фоном, а не центром всех интересов и планов человечества. Достаточно выполнять три требования, которые максимально продлят для людей и остатков дикой природы комфортное пребывание на планете. Это рациональное использование невозобновляемых ресурсов, глубочайшая переработка отходов и качественная демография.

Литература

Бофф, Л. (1997), «Социальная экология: бедность и нищета», *Экология: Голоса Севера и Юга*, ред. Холман, Д. Г., Москва [Электронный ресурс], URL: http://yakov.works>libr_min/26_ae/koteol/ind_ecot.html (Дата обращения: 15.09.2025).

Леопольд, О. (1983), *Календарь песчаного графства*, пер. с англ. Гуровой, И. Г., Мир, Москва.

Мортон, Т. (2019а), *Гиперобъекты. Философия и экология после конца мира*, Hyle Press, Пермь.

Мортон, Т. (2019b), *Стать экологичным*, пер. Кралечкина, Д., Ад Маргинем Пресс, Москва.

Мортон, Т. (2022), *Род человеческий: солидарность с нечеловеческим народом*, пер. с англ. Бондал, Е., Изд-во Ин-та Гайдара, Москва.

Шелленбергер, М. (2022), *Конец света не будет: почему экологический алармизм причиняет нам вред*, пер. Капустюк, Ю., АСТ, Москва.

References

Boff, L. (1997), "Social ecology: poverty and destitution", *Ekoteologiya: Golosa Severa i Yuga* [Ecotheology: Voices of the North and South], in Holman, D. G. (ed.), Moscow, Russia [Online], available at: http://yakov.works>libr_min/26_ae/koteol/ind_ecot.html (Accessed 15 September 2025) (in Russ.).

Leopold, A. (1983), *A Sand County Almanac*, Transl. by Gurova, I. G., Mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Morton, T. (2019a), *Giperobyekty. Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects. Philosophy and ecology after the end of the world], Hyle Press, Perm, Russia (in Russ.).

Morton, T. (2019b), *Stat ekologichnym* [Being Ecological], Transl. by Kralechkin, D., Ad Marginem Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Morton, T. (2022), *Rod chelovecheskiy: solidarnost s nechelovecheskim narodom* [Humankind: solidarity with nonhuman people], Transl. by Bondal, E., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Shellenberger, M. (2022), *Kontsa sveta ne budet: pochemu ekologicheskiy alarmizm prichinyayet nam vred* [Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All], Transl. by Kapustyuk, Yu., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Хен Юлия Вонховна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра био-и экофилософии Института философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; hen@iph.ras.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Julia V. Khen, D.Sc. (Philosophy), Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; hen@iph.ras.ru